

Линь Ханьчжи был доволен молчаливым взаимопониманием между ним и Ци Гу и послал ему лёгкую улыбку. Когда он улыбался, красота была ослепительной, словно букет европейских роз, и кончики ушей Ци Гу, только успевшие побледнеть, снова покраснели.

Уши горели. Ци Гу сердито зыркнул на Линь Ханьчжи и подумал: как он вообще может так улыбаться при таком количестве людей?.. Неприлично!

А Линь Ханьчжи этот взгляд только порадовал. Он с улыбкой наклонился ближе:

— Что такое?

— Ничего, — жёстко ответил Ци Гу.

Не мог же он при нескольких миллионах зрителей потребовать от Линь Ханьчжи перестать улыбаться. Это уже было бы слишком властно.

Линь Ханьчжи счёл Ци Гу, который весь красный и всё равно делает вид, будто ничего не происходит, ужасно милым. И снова не удержался от мысли, что раньше был настоящим идиотом. Ци Гу ведь совершенно очевидно очень его любит. Как он вообще мог решить, что не нравится ему?

Ну и дурак.

□So... Гугу ревнует?□

□Скорее его соблазнило красивое лицо брата-императрицы□

□Соблазниться братом-императрицей, думаю, несложно. Вы видели, насколько он вообще офигенно красив? (показывает руками)□

□Гугу красивый, брат-императрица тоже красивый. Интересно, какие у них получились бы дети□

□Эй, здесь мистика, а не новелла про мужскую беременность!□

□Так, сцена серьёзная, ведём себя прилично. Поэтому у кого-нибудь есть фанфики про Гугу и Чжичжи? Дайте посмотреть□

□Уже почти час прошёл. Почему главарь половинчатых призраков ещё не вернулся? Не трать время, которое моя парочка могла бы ночью потратить на doі, сволочь!□

□Молча +1□

□Кровью подписываюсь: главарь половинчатых призраков, немедленно явись умирать!□

Наконец, под сильными и искренними ожиданиями зрителей чёрное небо внезапно затянуло тучами. Серебристая молния, словно вырванное с корнем серебряное дерево, разорвала казавшуюся спокойной ночь.

Грохот грома взорвался прямо возле ушей, оглушая.

Там, куда ударила молния, цемент и кирпичи в радиусе десяти метров обуглились дочерна. В этой чёрной кляксе зашевелилось нечто огромное и поползло к людям. Хотя оно именно ползло, двигалось совсем не медленно — скорее стремительно.

Ци Гу без раздумий затолкнул двух слабаков, Му Синчэня и Линь Ханьчжи, ко входу в искусственную гору:

— Прячьтесь внутри и не выходите.

Линь Ханьчжи послушно кивнул. Серебристый костяной клинок выскользнул из рукава и лёг между его длинных пальцев. В следующую секунду узкое серебряное лезвие разрезало ночь и, невидимое и бесшумное, понеслось по одной только его мысли.

Цзэн Цинхуань по доброте не забыл о нескольких миллионах зрителей:

— Дальше зрелище может оказаться тяжёлым. Берегите себя.

Как только он закончил, чёрная ползущая масса приблизилась ещё сильнее и наконец под одновременным светом нескольких мощных фонарей показала истинный облик.

Это был человек... или, точнее, два половинчатых человека.

Тварь была чудовищно толстой и раздутой, словно гигантский мясной шар, складки плоти будто вот-вот потекут вниз. Кожа слева была белоснежной; роскошный макияж покрывал лицо, на котором уже невозможно было различить черты. Волосы собраны в высокую причёску, усыпанную золотыми шпильками и драгоценными камнями. Правая половина лица была бронзовой, без украшений, а растрёпанные чёрные волосы свисали вниз.

Это были... по половине вдовствующей императрицы и регента.

В месте их соединения всё срослось настолько идеально, что кожа, плоть и сосуды словно всегда принадлежали одному телу.

Когда-то вдовствующая императрица и регент после поражения поняли, что обречены на смерть, и решили применить злое искусство: принести жертву ради бессмертия. Но злое искусство остаётся злым искусством. Они вдвоём дали одну клятву — и техника превратила их в единого призрака. Сила стала огромной, зато каждому досталась только половина тела.

Для мужчины и женщины, когда-то стоявших на вершине власти, это было отвратительно. Тем более в прошлом они давно превратились в пару, полную взаимной ненависти.

До брака с прежним императором вдовствующая императрица была младшей двоюродной сестрой со стороны матери регента. Они были очень близки и уже тайно поклялись друг другу в любви. Но однажды девушка отправилась любоваться цветами и встретила там прежнего императора, тоже выбравшегося на весеннюю прогулку. Императору тогда было уже за сорок, и он влюбился в неё с первого взгляда. А поскольку её семья тоже принадлежала к высшей знати, брак очень быстро устроили по «взаимному согласию».

Она сопротивлялась. Просила всех, кого могла просить, но никто её не спас. Девушку без власти семья неизбежно принесла в жертву власти.

После брака она быстро стала любимицей императора во всём гареме, затем довела до смерти состарившуюся и утратившую красоту прежнюю императрицу и сама заняла её место.

Возможно, небеса ей благоволили: вскоре после её возвышения прежний император умер.

Опираясь на влияние родного клана и только что родившегося принца, она стала вдовствующей императрицей. Тогда-то к ней и вернулся возлюбленный юности — регент.

Но женщина, уже вкусившая власть, давно перестала придавать значение любви между мужчиной и женщиной. Близость с регентом была для неё лишь развлечением, а ещё способом получить в руки острый клинок, которым можно пользоваться при дворе.

Смешно было слушать, как он тогда всё твердил, что любит её. Вдовствующая императрица за занавесью чуть не рассмеялась вслух и спросила: если любит настолько сильно, почему всего за три года в его доме уже есть жена, наложница, бесчисленные служанки для постели и даже трое детей?

У неё не было выбора. А у него — был.

Она давно разглядела мужское лицемерие и не стала дальше допрашивать онемевшего регента. Её взгляд лишь скользнул сквозь занавесь на карту Поднебесной на столе, вышитую золотыми и серебряными нитями.

Она хотела эту Поднебесную.

Но с самого детства её учили только тому, как быть хорошей женой и матерью. Семья всегда растила из неё подходящую супругу аристократа, а не самостоятельного человека.

Удержать власть в руках она не умела. Научилась лишь безудержно собирать деньги и набивать личную казну.

А что народ едва выживает? Какое ей дело?

Со временем противоречий между ней и регентом из-за интересов становилось всё больше. Но при этом они оставались абсолютными союзниками при дворе: происходили из связанных кланов, вместе процветали и вместе падали. Та ничтожная юношеская любовь окончательно превратилась в расчёт, отвращение и ножи, которые каждый готов был вонзить другому в спину.

И именно их злое искусство навеки-навечно связало этих двоих вместе, не оставив возможности освободиться.

Какая ирония.

Более того, платой за технику стали ежедневные муки, которые могли прекратиться только после убийства Мо Чжоу. Но, преследуя его душу, они наконец узнали: Мо Чжоу, с которым они так долго дрались насмерть, был ненастоящим. Им всё это время притворялся его супруг!

И этот человек добровольно согласился остаться невидимой тенью под громким именем Мо Чжоу, отдать всё и не требовать ни славы, ни выгоды — лишь из-за этой смешной любви.

Любовь? После того как в шестнадцать лет весь её род заставил её выйти за сорокапятилетнего императора, вдовствующая императрица уже не знала, что это вообще такое.

Она подумала: видимо, они с регентом и вправду не зря на долгие века стали смертельными врагами Мо Чжоу и Цзэн Цинхуаня. Они и те двое — действительно два совершенно разных вида существ.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949149>